

Научная статья

УДК 811.161.1 + 81'367.335.2 + 81'367.635 + 81'37
DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-155-174

От предложения к конструкции: *Вот тебе и X*

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Аннотация

Рассмотрена проиллюстрированная в заглавии синтаксическая модель, которая исходно порождает стандартные указательно-номинативные предложения с дативом получателя, не обнаруживающие интерпретирующего потенциала. Использование в ней не просто частицы *вот*, а комплекса *вот и* вносит в высказывание оттенки динамичности ситуации и финальности. Предполагается, что благодаря наличию этих оттенков модель приобрела широкое функционирование в качестве средства реализации целого ряда коммуникативных тактик: помимо указания на реальный объект, получателем которого является адресат высказывания (исходный способ функционирования), это указание на реальный или виртуальный объект, который так или иначе затрагивает сферу адресата, не являющегося, однако, получателем этого объекта; указание на легкость достижения называемого результата; выражение удивления/раздражения, вызванного несоответствием объекта *X* прежним представлениям о нем говорящего; выражение досады от неудачи; передразнивание собеседника. Важным следствием такого функционального расширения является превращение формы дательного падежа местоимения из дательного получателя в дательный этический и снятие ограничений на выражение компонента *X*:

© Дымарский М. Я., 2026

если в указательно-номинативных реализациях этот компонент выражается конкретным существительным в референтном употреблении, то в производных реализациях это может быть любое существительное, спрягаемая форма глагола, наречие, междометие и т. д. Результатом этих процессов оказалась фразеологизация модели, т. е. превращение ее в типичную конструкцию (в смысле грамматики конструкций). В целом конструкция представляет собой одно из ярких фразеологизированных средств интерпретирующего синтаксиса.

Ключевые слова

русский язык, синтаксис, указательно-номинативное предложение, грамматика конструкций, фразеологизация, дательный этический, интерпретирующий синтаксис

Для цитирования

Дымарский М. Я. От предложения к конструкции: *Vot tebe i X* // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 155–174. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-155-174

From sentence to construction: *Vot tebe i X*

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Abstract

The article examines the syntactic model illustrated in the title, which initially generates standard demonstrative-nominative sentences with a dative of recipient that do not exhibit interpretative potential. The use of not just the particle *vot*, but the complex *vot i* introduces nuances of situational dynamism and finality into the utterance. It is assumed that, thanks to the presence of these nuances, the model has acquired a wide functionality as a means of implementing a number of communicative tactics: in addition to indicating a real object, the recipient of which is the addressee of the utterance (the original mode of functioning), it indicates a real or virtual object that in one way or another affects the sphere of the addressee, who, however, is not the recipient of this object; an indication of the ease of achieving the result stated; an expression of surprise/irritation caused by the discrepancy between object *X* and the speaker's previous ideas about it; an expression of annoyance at failure; and mimicry of the interlocutor. An important consequence

of this functional expansion is the transformation of the dative form of the pronoun from the dative of recipient to the *dativus ethicus* and the removal of restrictions on the expression of component X: if in demonstrative-nominative realizations this component is expressed by a specific noun in referential use, then in derivative realizations it can be any noun, a conjugated form of a verb, an adverb, an interjection, etc. The result of these processes was the phraseologizing of the model, that is, its transformation into a typical construction (in the sense of the Constructions Grammar). Overall, the construction represents one of the striking phraseologized means of interpretive syntax.

Keywords

Russian language, syntax, demonstrative-nominative sentence, grammar of constructions, phraseology, ethical dative, interpretive syntax

For citation

Dymarsky M. Ya. From sentence to construction: *Vot tebe i X*. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2026, no. 1, pp. 155–174. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-155-174

Введение

Выражения вида *Вот тебе и X* (ср. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*) распространены довольно широко: Национальный корпус русского языка (НКРЯ) фиксирует более 2500 примеров с местоимением *тебе* (основной подкорпус; дата обращения: 25.12.2025), более 1300 примеров с местоимением *вам* (дата обращения: 30.12.2025); примеров с местоимениями 1-го и 3-го л. несравненно меньше, что позволяет считать варианты с местоимениями 2-го л. дефолтными.

Семантика выражений этого вида может быть как композиционной, так и некомпозиционной, что позволяет предположить возможность проследить (или хотя бы наметить) путь, который эта модель проходит от предложения к конструкции — в том смысле, который вкладывает в этот термин «грамматика конструкций» [Рахилина, 2010] (ниже термин *конструкция* будет использоваться именно в этом смысле). Например, в (1) семантика интересующего нас предложения полностью складывается из значений компонентов (здесь и далее примеры приводятся с довольно широким контекстом, поскольку без него идентификация смысла фразы затруднена или невозможна):

(1) *Мать Агния обмакнула перо и, снимая с него приставшее волоконец, проговорила: Пословица есть, мой милый, что «дуракам и в алтаре не спускают», — и с этим начала новую страницу. Ну, вот тебе*

и письмо, — посылай. Посмотрим, что выйдет, — говорила игуменья, подавая брату совсем готовый конверт (Н. С. Лесков. Некуда [1864]).

Напротив, в (2) семантика фразы, построенной по той же модели, некомпозициональна, да и грамматически фраза выглядит несколько сомнительно, что, впрочем, не мешает любому носителю русского языка воспринимать ее вполне адекватно:

(2) *Я ни в чем не виноват, — думал я упорно и мучительно, — у меня есть диплом, я имею пятнадцать пятерок. Я же предупреждал еще в том большом городе, что хочу идти вторым врачом. Нет. Они улыбались и говорили: «Освоитесь». Вот тебе и освоитесь. А если грыжу привезут? Объясните, как я с нею «освоюсь»? И в особенности, каково будет чувствовать себя больной с грыжей у меня под руками? Освоится он на том свете (тут у меня холод по позвоночнику)...* (М. А. Булгаков. Полотенце с петухом [1926]).

Некомпозициональность семантики рассматриваемой модели во многих употреблениях подтверждается тем, что ряд типичных ее реализаций включен во Фразеологический словарь русского литературного языка: *Вот тебе (те) и...*, *Вот тебе (те) (и) на!*, *Вот те (тебе) и раз!* [Федоров, 1995, т. I, с. 100].

Задача настоящей работы заключается в том, чтобы проследить траекторию движения модели от стандартного предложения к конструкции и выявить факторы, способствующие превращению модели *Вот тебе и X* из вполне обычного указательного предложения в сильное средство интерпретации фрагмента действительности — причем, как будет показано ниже, не только первичной интерпретации, но и реинтерпретации.

1. Общая характеристика модели. Для характеристики модели существенны следующие моменты: 1) семантика частицы *вот*; 2) референция местоимения; 3) роль союза-частицы *и*; 4) семантические и морфологические свойства компонента *X*; 5) семантика и прагматика модели в целом.

1.1. Указательная частица *вот* может употребляться в прямом значении как средство прямого непосредственного дейксиса к конкретному предмету, ср. (1), и в переносных значениях, которые отвечают введенному К. Бюлером понятию *Deixis am Phantasma* [Бюлер, 1993, с. 111–127], т. е. дейксису к воображаемому, ср. (2). Однако частица функционирует в данной модели не как отдельная единица, а в составе комплекса *вот и*, о котором см. 1.3.

1.2. Местоимение 2-го л. может прямо указывать на собеседника, как в (1); может служить указанием на самого говорящего, чаще — думающего, в ситуации автокоммуникации, ср. (2). Автокоммуникативное тебе легко превращается в ты обобщенного лица, что просвечивает в (2) и еще ярче выступает в (3):

(3) *Лучики путаются в Вариных косах. «Дети, пора спать!» Вести с фронта: солдаты не хотят воевать, братаются с немцами. «Вот тебе и единая, неделимая!» — скрипит Лилович. Он в галифе, в кожаном френче, бритая голова блестит... Ему возражает папа, рубя воздух узкой рукой: «Ваша единая, неделимая — колосс на глиняных ногах!» Вижу глиняные толстые ноги... (И. Грекова. Фазан [1984]).*

Существенно, что дательный получателя, наблюдаемый в полностью композиционных реализациях вида (1), легко превращается в *dativus ethicus* (дательный этический, который Г. И. Кустова предпочитает именовать экспрессивным [«риторическим»] дательным¹ [Кустова, 2012/2024]) и о котором пишет: «дательный экспрессивный включает в ситуацию постороннее лицо (обычно участника коммуникативной ситуации — говорящего или слушающего), устанавливая (вернее — искусственно создавая) связь между ним и денотативной ситуацией, участником которой он не является» [Там же]. Дательный получателя превращается в дательный этический не только в случаях автокоммуникативного и обобщенного тебе, но и в случае прямого указания на собеседника, если последний не может рассматриваться в качестве получателя объекта, обозначенного компонентом X:

(4) *На другой день все собрались ехать с концертом в Кутаиси. Тигран договорился выступить и там. Утром всей компанией пошли на вокзал. А вот тебе и почтовый ящик, видишь? — сказал Роберт, когда они оказались на привокзальной площади. Когда Кирилл опустил открытку в щель, с души словно камень свалился (Д. В. Бавильский. Чужое солнце [2012]).*

¹ Термин *дательный этический* упоминается в статье Г. И. Кустовой «Падеж» (<http://rusgram.ru/Падеж>, 2011), где и говорится, что обозначаемое им явление «правильнее было бы назвать дательным экспрессивным». В старой (2012) и новой (2024) версиях статьи «Дательный падеж» традиционное название *дательный этический* уже не упоминается.

1.3. Слово *и* в модели *Вот тебе и X* может рассматриваться как союз только в весьма расширительном смысле: собственно связываемых им компонентов не наблюдается, но подразумевается присоединительная связь между двумя ситуациями:

(5) *Какой этаж? Десятый, отвечает... Я ему: ведь утром ответ дать должен... а он: что ж они вам руки-то выкручивают? мол, разве так с людьми можно? Успеем, говорит... Вот тебе и успели: шестой* (А. Волос. Недвижимость [2000] // Новый мир. 2001). (Персонаж повести хотел успеть до 7 ноября продать свою квартиру и купить другую, причем обязательно на 10-м этаже, но оказалось, что квартира, которую ему нашли, не на 10-м, а на 6-м этаже.)

Это напоминает связь между ситуациями в известной строфе В. В. Маяковского:

(6) *Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», —
а я одно видел:
вы — Джоконда,
которую надо украсть!
И украли.*
(«Облако в штанах»)

Однако у Маяковского межфразовый союз занимает положенное ему место между конъюнктами, в то время как в рассматриваемой модели он смещен в третью от начала позицию, т. е. находится в середине второго конъюнкта, что одиночным соединительным и присоединительным союзам запрещено.

Гораздо больше оснований интерпретировать слово *и* как частицу — и не одиночную, а как компонент комплекса *вот и*. Этот партикулярный комплекс отличается от одиночного указательного *вот* тем, что вносит элемент динамичности ситуации. Частица *вот и* сигнализирует об изменении текущей ситуации, состоящем в появлении в поле зрения ее участников некоторого ожидаемого объекта. Произнося *Вот мой дом*, говорящий может как стоять на месте, так и двигаться; но произнести *Вот и мой дом* он может только в том случае, если 1) он (вместе

со слушающим) какое-то время двигался по направлению к своему дому и если 2) появление в поле зрения этого дома было анонсировано говорящим и, соответственно, ожидалось его собеседником. Наличие тех же семантических элементов отличает фразу *Вот и твой автобус* от *Вот твой автобус* и т. п., разница лишь в том, что относительно чего движется. Аналогичным образом, произнося *А вот и Вася!*, говорящий подчеркивает, что Васю ждали (или иронически создает ложный эффект подобного ожидания).

Союз-частица *и* в составе комплекса *вот и* напоминает несомненный союз в конструкциях типа *Строили мы, строили и наконец построили!*²: этот союз сигнализирует достижение результата некоторого предшествующего процесса (безотносительно к положительной или отрицательной оценке достигнутого результата, ср. *Пил, пил и допился до чертиков*). Семантический оттенок финальности наблюдается и в употреблении комплекса *вот и* в рассматриваемой модели, в том числе в примерах (1–5). Например, мать Агния у Лескова использует модель *Вот тебе и X* именно потому, что писала письмо на глазах у ожидавшего и наблюдавшего за процессом брата: если бы она вызвала его после завершения работы над письмом и просто вручила ему конверт, фраза *Ну, вот тебе и письмо, — посылай* выглядела бы неуместно; в этом случае она, вероятнее всего, прозвучала бы в редакции *Вот тебе письмо — отправь*.

Таким образом, союз-частица *и* в составе комплекса *вот и* вносит взаимосвязанные семантические оттенки динамичности ситуации и финальности.

1.4. В реализациях с референцией местоимения к адресату-получателю компонент *X* выражается конкретным существительным в референтном употреблении (*Вот тебе и письмо; Вот тебе и почтовый ящик*). В остальных случаях *X* может быть выражен многообразно:

— абстрактным существительным:

(7) *Папа опять стал изъясняться вполголоса, как в музее возле картин. — Но она сама, без всякой моей подсказки перекинула мост от конкретных событий к логическим выводам. К логическим выводам! —*

² В сказке Э. Успенского Чебурашка произносит: «Шстроили мы, шстроили и наконец пошстроили!» URL: <https://azbyka.ru/fiction/krokodil-gena-i-ego-druzja-jeduard-uspenskij/> (дата обращения: 01.01.2026).

заклучил папа, надеясь, что такая концовка уведет маму от сути того, что именно мы с ним обсуждали. — Еще одна новая стадия! Это бесспорно, — согласилась с ним мама. — Если так пойдет, она вскоре сможет учиться в самой обыкновенной школе... В нормальной. **Вот тебе и отсталое развитие!** Моя неожиданная реакция на папину исповедь тоже попала в историю болезни. И была таким образом увековечена. О том, что я посмела представить себе возможность их развода, мама словно забыла. И это при ее самолюбивом характере! (А. Алексин. Раздел имущества [1979]);

— именем собственным:

(8) Когда он вспоминал, как много среди его родных и родных Людмилы репрессированных, высланных, он успокаивал себя мыслью: «Но если там спросят, я скажу — не только такие вокруг меня, вот Крымов — близкий мне человек, известный коммунист, старый член партии, подпольщик». **Вот тебе и Крымов!** Начнут его там спрашивать, он и вспомнит все еретические разговоры Штрума (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Часть 3 [1960]);

— спрягаемой формой глагола, ср. (5);

— междометием:

(9) Парня нельзя вести на секретную базу. Старшина молчал. Видно, эта мысль командира оказалась для него неожиданной, и он в замешательстве опустился наземь. Да-а? **Вот тебе и да-а!** Гусаков почувствовал, что тот все понял — не маленький (В. Быков. Болото [2001]);

(10) Лили воду в решето — / **Вот тебе и здрастье!** (Юлий Ким [под псевдонимом Юрий Михайлов]. Песенка о мастерах из к/ф «Про Красную Шапочку» [1977]);

— прилагательным, ср. (3);

— лишенным внятного значения словом субстантивного (фунт, раз), партикулярного происхождения (на):

(11) Он с первой секунды потерял сознание и теперь ничего не помнит... Вот и разберись. А много лет спустя, когда уже уехал, в старых его потаенных бумажках обнаружился диплом, на котором черным по белому было написано: так и так... республиканские соревнования по мотокроссу... награждается... Павел Иванович Шлыков... второе место. **Вот тебе и раз!** Он проводил время на сильно пересеченной местности, а все думали, что в бандитских притонах. Почему не говорил? Поди пойми (А. Волос. Недвижимость [2000] // Новый мир. 2001).

Приведенный перечень показывает, что в употреблении, не связанных с указанием на конкретный физический объект, ограничений на выражение компонента X не существует.

1.5. В [Федоров, 1995, т. I] семантика модели *Вот тебе (те) и...* трактуется как «выражение досады, разочарования»; характеристика «фразеологизма» содержит пометы «просторечное, экспрессивное» [Там же, с. 100]. Приписывание модели просторечного статуса представляется спорным, особенно судя по материалам, представленным в выборке из НКРЯ; думается, что статус модели может быть повышен до разговорного. Разновидности *Вот тебе (те) и на!*, *Вот те (тебе) и раз!* описаны отдельно и толкуются путем отсылки к единице *Вот так фунт*, о которой читаем: «Прост. Экспрес. Удивлен и разочарован» (sic!) [Там же]. Таким образом, в семантике модели выделены компоненты **досады, удивления и разочарования**, что верно, но неполно. Помимо этих компонентов, модель может употребляться с целью указания на **легкость достижения называемого результата** — при этом названных семантических компонентов может не быть:

(12) *Значит, будешь снимать в районе метро «Горьковская». Там есть мечеть. А трущобы во всем мире одинаковые. Отойдешь метров сто от Невского — вот тебе и бедняцкие кварталы Багдада. Ты, Сябрис, бог, и сам того не знаешь! Селиверстов процитировал Пушкина. Переговорщики ударили по рукам* (К. Л. Селиверстов. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве // Волга. 2011);

(13) *Пока я ковырялся с этой статьей, — сказал он, — у меня в голове все время вертелись анаграммы — то есть не сами анаграммы, а вопрос вашего отца. И вот... я сделал... э-э... открытие... Нелепое какое-то открытие... Если переставить буквы в слове «асфоманты», получится: «фантомасы». Вот вам и анаграмма. Я вытаращил глаза. Это еще что такое? Что за чушь?! Не чушь, — Мышкин отрицательно покачал головой* (В. Белоусова. Второй выстрел [2000]);

(14) *Лет — куды! более чем за сто, говорил покойник дед мой, нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенок десять, не обмазанных, не укрытых, торчало то сям, то там, посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочного, где бы поставить скотину или воз. Это ж еще богачи так жили; а посмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма — вот вам и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живет там человек божий* (Н. В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала [1831–1832]).

Кроме того, модель широко используется как средство передразнивания реплики собеседника:

(15) *Он ткнул пальцем вверх. Мария Петровна недоуменно подняла голову: А-а-а... **Вот тебе и а-а-а!** — передразнил Николай Васильевич и пошел по коридору, расстроено бормоча* (А. Волос. Недвижимость [2000] // Новый мир. 2001);

(16) *Слышал? — сказал шофер. — На сто восьмом километре человека убили. — На сто восьмом? Как же это так? — **Вот тебе и «так».** Убили, и нету его* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора [1963]).

Смысловые оттенки модели в роли передразнивающей реплики варьируют от легкого раздражения до глубокого разочарования. В (15) прочитывается подтекст ‘я был прав + я раздражен тем, как долго ты соображал, прежде чем убедиться в моей правоте / я раздражен тем, что ты сомневался в моей правоте’; в (16) прочитывается подтекст ‘я раздражен тем, что ты не готов допустить реальность события, о котором я сообщил’. Прагматика реплики заключается в эмоциональном и коммуникативном подавлении собеседника — последнее в том смысле, что дальнейшие попытки собеседника возразить пресекаются, ср. также (9). Однако в (2) прочитывается не просто раздражение, и даже не глубокое разочарование, а отчаяние (*Вот тебе и освоитесь*): булгаковского героя, начинающего врача, обнадеживали, ободряли, но в данный момент он не видит никаких перспектив «освоиться».

Наконец, рассматриваемая модель функционирует и как средство прямого указания на объект по отношению к его получателю, как в (1). Понятно, что этот тип семантики в [Федоров, 1995] не фиксируется, поскольку никаких признаков фразеологизации в этом случае нет. В таких употреблениях доминируют семантические оттенки финальности и/или удачного стечения обстоятельств, способствующего достижению называемой цели:

(17) *Так что ж делать? Надо курицу оципать, — сказал Аким Ильич и подмигнул мне. И Тузик дружелюбно подмигнул из-под верстака. Заводика, брат, костер. **Вот тебе и стружка на растопку.** Пока я возился с костром, Аким Ильич оципал курицу, и скоро забурил в котелке суп* (Ю. Коваль. Картофельная собака [1972]).

Пример (17) интересен еще и тем, что в нем, на первый взгляд, отсутствует прямой повтор фрагмента левого контекста, в целом обязательный

для всех реализаций модели. Необходимость этого повтора структурно закреплена присутствием в модели союза-частицы *и*, связывающего высказывание с некоторой предшествующей ситуацией — иногда предшествующей непосредственно, как в (15–16), иногда — в недавнем прошлом, как в (4), иногда же лишь упомянутой в левом контексте, как в (14), причем в этом случае повтор только семантический (*избенка — хата*). Семантический повтор с синекдохой наблюдается и в (17): *костер — растопка*.

Отдаленность предшествующей ситуации во времени может быть неопределенно велика:

(18) *«Бывает, температура падает до пяти градусов». Вот тебе и Южное полушарие! Хорошо, что я привезла с собой из Москвы каракульчовое пальто — решила взять больше «для шиксу»* (И. Архипова. Музыка жизни [1996]).

Фраза *Вот тебе и Южное полушарие* указывает, в частности, на то, что в некоторый момент прошлого говорящий уже размышлял о климате в Южном полушарии, но насколько этот момент отдален от момента речи — неизвестно. Сходным образом, в (19) предшествующий эпизод актуализации в сознании героини поговорки, которую она в момент повествования вспоминает, мог быть отдален от этого момента годами:

(19) *«Какие добрые люди!» — подумала я и заплакала. Слезы были как-то связаны с алостью шарфа, она резала мне глаза. Кто-то неопознанный утер мне слезы душистым платком... Вот тебе и поговорка: «Москва слезам не верит»! Моим слезам она верила, и от этого они текли все обильнее. Вернулся милиционер: «Сейчас будет „скорая“. Вы уж потерпите, гражданка»* (И. Грекова. Перелом [1987]).

2. Материал, предоставленный НКРЯ, позволяет выделить следующие основные **типы функционирования модели** *Вот тебе и X*, которые представляется допустимым интерпретировать как этапы движения модели от предложения к конструкции: 1) указание на реальный объект, получателем которого является адресат высказывания; 2) указание на реальный или виртуальный объект, который так или иначе затрагивает сферу адресата, не являющегося, однако, получателем этого объекта; 3) указание на легкость достижения называемого результата; 4) выражение удивления/раздражения, вызванного несоответствием объекта *X* прежним представлениям о нем говорящего; 5) выражение досады от неудачи; 6) передразнивание собеседника.

2.1. Указание на реальный объект, в качестве получателя которого мыслится адресат высказывания: семантика фразы полностью композициональна, фразеологизация отсутствует, конструктивно высказывание представляет собой указательную разновидность номинативного предложения, ср. (1). Дательный падеж личного местоимения имеет значение получателя. Дополнительные примеры:

(20) *Вот вам и еще писуля из Франценбрунна, милая маменька, дабы вы не рассудили за благо как-нибудь беспокоиться об моей неизвестности, а пуще всего дабы вам подать благой пример для подражания* (П. В. Киреевский. Письма А. П. Елагиной [1835]);

(21) *Я слышала, что пан-отцу перепало теперь немало всякой всячины! — Суцая безделица, Хавронья Никифоровна; батюшка всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, кнышей с сотню, а кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук, яйца же большею частию протухлые. Но воистину сладостные приношения, сказать примерно, единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна! — продолжал попович, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе. — Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! — проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту, — варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!* (Н. В. Гоголь. Сорочинская ярмарка [1831–1832]).

Пример (20) любопытен тем, что иллюстрирует функционирование модели в ситуации отложенной коммуникации при полном сохранении всех свойств, присущих ей в коммуникации прототипической. В (21) наблюдаем функционирование модели в ситуации притворного непонимания: Хивря прекрасно понимает, какого рода «приношения» подразумевает попович, но подменяет их реальным объектом (эта ситуация развивается автором и далее).

2.2. Указание на реальный или виртуальный объект, который так или иначе затрагивает сферу адресата:

(22) *На Камчатке всё было завязано на электричество. Не завезли мазут и всё вырубилось. Ни отопления, ни воды (насосы качали), ни плиты. Вот вам и свечи и костры и керосинки и примусы. Очень тяжело жили* (Н. Радулова. Как выживали в 1990-е. Воспоминания из соцсетей [23.03.2020] // Живой журнал. 2020);

(23) Для России это кажется диким: у нас аппендицит считается элементарной операцией, которую может сделать вообще любой хирург, даже не абдоминальный. Но в Портсмуте статистика по аппендицитам такая: осложнений нет, летальность 0 %. А в России летальность при острых аппендицитах около 8 %. **Вот вам и аргумент в пользу максимально узкоспециализированной медицинской помощи** (О. Кашубина. Как болел бы врач: маленькие хитрости большого здравоохранения [2018]);

(24) Вот облака зарделись на востоке. Раскинутый в долине русский стан был еще покрыт ночью тенью, но на гористом берегу Прута начинали уже белеться верхи турецких палаток. Вот первый луч восходящего солнца отразился на позолоченной луне великоленного шатра визирского; раздался пушечный выстрел, и неприятельское ядро просвистело над царской палаткою. **Вот нам и ответ от визиря!** — сказал Шереметев. Слышишь, государь? (М. Н. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия [1848]).

В (23–24) формы датива могут прочитываться в значении получателя, хотя в (23) эта форма вряд ли реферирует прямо к адресату: такое прочтение предпочтительно только при прямом обращении исключительно к коллегам, в то время как публицистический характер текста такое прочтение не поддерживает. В (22) форма *вам* представляет собой дательный этический. При этом компонент *X* представляет собой результат интерпретации ситуации, обозначенной в левом контексте: в (22) свечи, костры и т. д. интерпретируются как прямое следствие отсутствия электричества, в (23) разница между статистикой в Великобритании и России интерпретируется как аргумент в пользу узкой специализации врачей, в (24) пушечный выстрел из вражеского лагеря интерпретируется как ответ противной стороны. Появление в компоненте *X* предмета или понятия, по отношению к которому адресат не может рассматриваться в качестве получателя, и следующее из этого вытеснение значения получателя значением дательного этического влекут возникновение в результирующем смысле высказывания элемента интерпретации.

2.3. Указание на легкость достижения называемого результата тесно примыкает к предыдущей группе. Подчеркивание легкой достижимости составляет, пожалуй, единственное заметное отличие:

(25) Есть у Демидова майор знакомый, у него, по крайней мере, можно будет поинтересоваться, где и за что, но это всё до понедельника. Потому что с причиной разобрались. Махнул вискарика — и за руль по темным

московским улицам. **Вот тебе и причина** (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая [2015]);

(26) *Но глупо думать, что они успокоятся. Наоборот, сейчас в борьбу вводятся всё новые и новые силы. И этого надо было ожидать, ибо, как указал товарищ Сталин, чем больше наши успехи, тем ожесточеннее сопротивление врагов и тем на более крайние средства они идут. А отсюда вывод, который сейчас и сделал бригадир: если можно заразить искусственно клещом элеваторы, то почему ж нельзя вырастить где-нибудь в Марокко многомиллиардные стаи саранчи особой породы да и пустить ее на колхозные поля? **Вот тебе и апокалипсис...*** (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Часть 2 [1964]);

(27) *Кого надзору продаст, кого сам в морду стукнет. Инвалид считается, потому что палец у него один оторван в драке, а мордой — урка. Урка он и есть, статья уголовная, но меж других статей навесили ему пятьдесят восемь — четырнадцать, потому и в этот лагерь попал. Свободное дело, сейчас на бумажку запишет, надзирателю передаст — **вот тебе и карцер на двое суток с выводом*** (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича [1961]).

Элемент интерпретации в рассматриваемой группе представляется очевидным. Доминирует интерпретация, состоящая в установлении или обнаружении причинно-следственных отношений, ср. также:

(28) *Меня? Уж будьте уверены, бутылок-то я насобираю нам с вами на хлеб! Потом вот: у меня есть еще один Барулин на лесоскладе. Два дня погрузим лес в машины — **вот нам и месяц житья. Жить можно*** (В. Дудинцев. Не хлебом единым [1956]).

2.4. Выражение удивления/раздражения, вызванного несоответствием объекта X прежним представлениям о нем говорящего. Примеры этого типа особенно многочисленны, и их эмоциональное содержание, конечно, не исчерпывается удивлением или раздражением: это может быть и горькое разочарование (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*), и досада. Ср.:

(29) *А был еще казначей, экспедиторы, даже счетовод. Посылали посылки, передачи делали, вызывали родственников на свиданья и дорогу оплачивали. Нанимали защитников, чтоб те подавали кассационные. А самое главное — в нескольких случаях даже переквалифицировали статьи и снижали срок до фактически отбытого. Вот какие чудеса творились у нас за спиной. **Вот тебе и наша бдительность!** — Действительно черт знает*

что! — возмутился прокурор (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 4 [1978]);

(30) Эх, парни были! Я вот на своего сына Роберта смотрю — хороший он, вежливый, деловой, да не такой, как мы. Нет, не такой, кровь немецкая, жидкая. **«Вот тебе и нацизм!»** — подумал я и спросил: — Так, значит, вы в расовую теорию не верите? — Он посмотрел на меня, как на глупого, и скучно вздохнул. — А что мне верить, — сказал он (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение [1964]);

(31) Виктор Павлович, — сказал Савостьянов, — конечно, плевать на то, что Шишаков вас не позвал. Но вам ведь Петр Лаврентьевич рассказал, какую гнусь говорил Гавронов? Это же надо иметь наглость, сказать, что в работе вашей дух цудаизма и что Гуревич назвал ее классической и так хвалил ее только потому, что вы еврей. И сказать всю эту мерзость при молчаливых усмешках начальства. **Вот вам и «брат славянин»** (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Часть 2 [1960]).

В примерах этой группы интерпретация носит иной характер, нежели в 2.3. Это переосмысление представлений о понятиях, названных компонентом X. В (29) левый контекст приводит к мысли о совершенной недостаточности прежних представлений о должной бдительности; в (30) повествователь убеждается в том, что его представления о нацизме были слишком прямолинейны; в (31) подразумевается горькое «открытие» относительно болезненной темы антисемитизма. В подобных случаях, таким образом, модель *Вот тебе и X* служит средством **реинтерпретации** понятия X, поскольку речь идет как минимум о коррекции прежней интерпретации, привычной говорящему.

Среди примеров этой группы встречаются также случаи выражения горечи открытия:

(32) А в классе спрашиваю у Вани Цыганкова:

— Что это ты в резиновых сапогах ходишь? Холодно ведь.

— А он закаляется, — посмеивается Абношкин-сын.

Вот тебе и закаляется... (Б. Окуджава. Новенький, как с иголки [1962]).

Герой-повествователь, начинающий учитель, впервые оказавшись в доме своего ученика, узнаёт, что Ваня, оказывается, сирота, живет у бабки почти в нищете. Только теперь он постигает подлый смысл насмешки благополучного Абношкина: реинтерпретация налицо.

Любопытны примеры, тоже выражающие удивление, досаду и т. п., но содержащие в качестве *X* вполне бессмысленные выражения вроде *фунт*, *штука*, *раз*, *на* и т. п. В подобных случаях также имеет место реинтерпретация, но говорящий отказывается от поиска адекватного наименования переосмысляемого явления:

(33) *Озерецковский и не слыхивал, что такое рассеянный склероз, зато хорошо знал, какова степень рассеянности Александра Христофоровича.*

*Она была наследственной. Его отец заглянет, бывало, на почту — нет ли писем? Спрашивают: «На чье имя, ваше превосходительство?» Батюшка, наморщив лоб, вспоминает. Или вот засиделся однажды в гостях, все давно разъехались, а он ни с места. Хозяин — сама вежливость — тоже. Глядят друг на друга и недоумевают. Наконец хозяин не выдерживает: «Христофор Иванович, ваш экипаж, наверное, сломался. Я велю заложить свою карету». — «О! — изумился Бенкендорф-старший. — А я хотел предложить вам свою!» **Вот тебе и фунт.** Думал, что он-то у себя дома, а этот невежа испытывает его терпение. И расхохотался. Бенкендорф-старший был добродушен (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны [1988–1989]).*

Реинтерпретация ситуации Бенкендорфом-старшим дана в следующей за *Вот тебе и фунт* фразе. *Вот тебе и фунт* служит индексальным знаком реинтерпретации — бессмысленным с сигнификативной точки зрения, но содержательным в прагматическом отношении. Вообще, чем менее содержательна в сигнификативном отношении номинация *X*, тем с большей вероятностью в контексте появляется фрагмент, вербализующий акт реинтерпретации, ср. также (11).

2.5. Выражение досады от неудачи: в таких употреблениях также имеет место реинтерпретация, но, в отличие от группы 2.4, компонент *X*, как правило, называет целевую ситуацию — именно ту цель, которая не достигнута. Поэтому часто это глагол в спрягаемой форме:

(34) *Станиславский говорил, что режиссер должен умереть в актере. Так же вот врач должен умереть в пациенте. Задачи все нешуточные. Рядом с ними как-то несерьезно выглядит ваш вопрос о праве на правду.*

Обиделась:

— Но здесь тоже задача — как поступать?

— Общих правил нет. Поступать надо не по правилам, а по ощущению. Загляни человеку в глаза и постарайся понять: в самом ли деле он хочет правды или так, кокетничает? Думаю, что ваша старуха не кокетничала. А кокетничаете, простите меня, вы, поигрывая всякими мыслями...

Вот тебе и посоветовалась! Неприятный человек.

— *Хватит, поговорили*, — сказал он. — *Пора за работу* (И. Грекова. Перелом [1987]).

Старуха, о которой говорит доктор Чагин, накануне просила героиню-повествовательницу — Киру — сказать ей правду о ее состоянии, чтобы успеть сделать необходимые распоряжения на случай смерти. Кира правду сказать не смогла, а ночью женщина умерла. Теперь Киру мучит вопрос, с которым она и обратилась к Чагину: «Имеет ли больной право знать всю правду о своем состоянии? Приготовиться к смерти, если она неизбежна?» В результате разговора представление Киры о достижимости цели, к которой она стремилась, переворачивается: в этом и заключается реинтерпретация.

Цель может быть названа также именем:

(35) *Только совсем уж собрались, а покойник Логин Евсеич и говорит: «Карп Лукич, знаешь, что я тебе скажу? Чем к французинке ехать и беспокоить себя, удивим лучше Галактиона Павловича... Он думает, что мы в Питере проваландаемся до осени, а мы к нему прямо на именины и подкатим, как снег на голову». Вот тебе и французинка, думаю про себя, — всю музыку испортят* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад [1889]).

Суть ситуации в том, что рассказчику было поручено найти для Карпа Лукича «французинку» для удовольствий, что он и исполнил; теперь же выясняется, что удовольствия с куртизанкой отменяются: само слово *французинка*, только что символизировавшее островок земного рая, превращается в пустой звук.

2.6. Передразнивание реплики собеседника отличается от выражения удивления, досады и т. п. тем, что автокоммуникация в этом случае исключена. Соответственно, реинтерпретации подвергаются не собственные представления, а интерпретация ситуации собеседником:

(36) *Сил не будет, если не жрать. — Да ладно тебе, — сказал я. Пиво есть? — Под столом погляди. Ладно, ладно... вот тебе и ладно. Ни хрена не ладно. Сейчас посмотрим... — Он поднялся, тычком вилки сбил со стоящей на плите жаровни крышку, с металлургическим грохотом обрушившуюся на конфорки, и полез туда. Обернулся: — Гуся будешь? (А. Волос. Недвижимость [2000] // Новый мир. 2001);*

(37) *Дурила! — закричал Чонкин. — И как же ты не можешь понять глупой своей головой! Дак ведь это ж за мной! — Ну да! — усмехнулся, не веря, Свинцов. — Вот тебе и «ну да». Эгей! — Чонкин вскочил на ноги,*

сорвал с головы пилотку и стал ею размахивать, приглашая летчиков снизиться (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина [1969–1975]).

В (36) суть реинтерпретации особенно очевидна: продолжение реплики *Ни хрена не ладно* не оставляет сомнений в том, что мнение говорящего прямо противоположно мнению собеседника; аналогичное можно утверждать и на основании уверенных действий Чонкина в (37). Семантические оттенки передразнивающих употреблений и их прагматика (коммуникативное подавление собеседника), как уже было показано в 1.5, многообразны.

Заключение

Модель *Вот тебе и X* исходно порождает стандартные указательно-номинативные предложения с дативом получателя, не обнаруживающие интерпретирующего потенциала. Использование в ней не просто частицы *вот*, а комплекса *вот и* вносит в высказывание оттенки динамичности ситуации и финальности. Возможно, именно благодаря наличию этих оттенков модель приобрела широкое функционирование в качестве средства реализации целого ряда коммуникативных тактик: выражения удивления, раздражения, досады, коммуникативного подавления собеседника и др. Важным следствием такого функционального расширения является превращение формы дательного падежа местоимения из дательного получателя в дательный этический и снятие ограничений на выражение компонента *X*. Результатом этих процессов оказалась фразеологизация модели, т. е. превращение ее в типичную конструкцию — в смысле грамматики конструкций.

Список литературы

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.

Кустова Г. И. Дательный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012–2024. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/nounpar/dative_case/ (дата обращения: 11.04.2026).

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Введение. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. 583 с. С. 18–79.

Федоров А. В. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. Новосибирск: Наука, 1995. Т. I: 391 с. Т. II: 396 с.

References

Bühler K. Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funkciya yazyka [Theory of language. The representative function of language]. Moscow, Progress, 1993, 528 p. (in Russ.)

Fedorov A. V. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Vols. 1–2. Novosibirsk, Nauka, 1995. Vol. 1. 391 p. Vol. 2. 396 p. (in Russ.)

Kustova G. I. Datel'nyj padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki [Dative case. Materials towards the project of corpus description of the Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Manuscript. Moscow, 2012–2024. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/nounpar/dative_case/ (accessed 11.04.2026). (in Russ.)

Rakhilina E. V., Kuznecova Yu. L. Vvedenie. Grammatika konstrukcij: teorii, storonniki, blizkie idei [Introduction. Construction Grammar: theories, adherents, close ideas]. In: Lingvistika kostrukcij [Construction Linguistics]. Ed. by E. V. Rakhilina. Moscow, Azbukovnik, 2010. 583 p. Pp. 18–79. (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Яковлевич Дымарский, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Mikhail Ya. Dymarsky, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 13.04.2026
The article was submitted on 12.01.2026;
approved after reviewing on 05.02.2026; accepted for publication on 13.04.2026*